

A man with dark hair and a beard, wearing a dark jacket, is shown in profile, looking down. The background is a blurred night cityscape with various skyscrapers and lights, including a prominent tower with a blue and red light at the top.

Наталья Зими́на

КОНТРОЛЬ-2. ШОВ

Наталья Зимина

КОНТРОЛЬ-2. ШОВ

«Автор»

2026

Зими́на Н. Ю.

КОНТРОЛЬ-2. ШОВ / Н. Ю. Зими́на — «Автор», 2026

Санкт-Петербург, 2038 год. Прошло два года с той ночи, когда Алексей Морозов остался в ядре системы — держать «Чистый лист», программу тотального стирания. Он научился шептать людям во сны. Его мать Анна, чью память уничтожили, начала вспоминать — по кругам на бумаге, по слову в неделю. Но внутри «Сферы» выросли новые хозяева — Архитекторы, готовые выпустить зверя на волю. У Алексея один путь: отдать «Чистый лист» на девять секунд и перезаписать систему в «Правду-8». Цена ошибки — память всей страны. Продолжение романа «КОНТРОЛЬ».

© Зими́на Н. Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Голос в шуме	6
Глава 2. Держать	10
Глава 3. Искра	12
Глава 4. Белый шум	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Наталья Зими́на

КОНТРОЛЬ-2. ШОВ

КОНТРОЛЬ-2. ШОВ

Роман-продолжение

Глава 1. Голос в шуме

04:11. Санкт-Петербург. Март 2038.

Женя Савельева слышит голос во сне.

Не в импланте. Не в сети. Во сне. В самом глубоком, где нет картинок, где только темнота и гул. Голос мужской. Молодой. Усталый. Как будто человек не спал два года.

— Ты слышишь меня?

Она слышит. Она всегда слышит. С рождения. Она из первых — из тех, кому имплант поставили ещё в утробе. Поколение «врождённых». Для них нет границы между «я» и «сеть». Они не помнят тишины. Тишина для них — это смерть.

— Не отвечай вслух. Просто слушай. Запомни: среда. 23:00. Кузнечный переулок, 12. Дверь без звонка. Стук: три, пауза, один. Скажешь Марии: «Он держит».

Голос тает. Как радио в машине, которая уезжает. Женя просыпается.

Комната — восемь квадратов. Панель на стене транслирует рассвет. Идеальный. Оранжевый. Подписка «Комфорт+». Мать спит в соседней комнате. Дышит ровно. Её имплант следит за сном. За пульсом. За снами.

Женя лежит. Смотрит в потолок.

Имплант пишет: «Фаза быстрого сна прервана. Аномальная активность: слуховой канал. Причина: не установлена. Уровень: низкий. Наблюдение: пассивное».

Она не боится. Ей четырнадцать. Она выросла с системой. Система — как погода. Как стены. Как мать.

Но голос — не система.

Голос — другой.

Настоящий.

06:30. Подъём.

Голос квартиры будит её мягко. Выброс дофамина. Точный. Калорийный. Как сахар в кровь.

«Доброе утро, Евгения. Сегодня среда, 12 марта 2038 года. За окном плюс четыре. Осадки: мокрый снег. Ваш рейтинг социального доверия — 96,1. Отличный показатель. Уроки: алгебра, нейрографика, история цифрового мира».

Женя одевается. Зеркало в ванной показывает не лицо — сводку дня. В углу — иконка «Пульс». Эмоциональный фон. Зелёная. Норма.

Она смотрит на зелёную точку и думает: врёт.

Не фон. Она. Она чувствует что-то. Тонкое. Как заноза. Как слово на конце языка.

Голос во сне.

Среда. 23:00. Кузнечный, 12.

Сегодня среда.

— Евгения, завтрак.

Она идёт на кухню. Каша. Идеальная температура. Идеальный вкус. Она не знает, какая каша на самом деле. Никто из её поколения не знает.

08:15. Школа №4417.

Класс — тридцать детей. Тридцать имплантов. Учитель не говорит. Он думает. Урок течёт в головы сам. Алгебра без усилий. История без вопросов.

На истории цифрового мира — новый модуль. «Эра стабилизации. 2030–2036. Как система спасла общество от хаоса».

Женя смотрит на экран. Даты. Графики. Улыбающиеся лица.

Ей показывают, что счастье — это когда решено за тебя.

Она моргает. Мысль: «А кто решил?»

Имплант фиксирует: «Нестандартный вопрос. Категория: рефлексия. Уровень: низкий. Рекомендация: вернуться к материалу».

Она возвращается. Внешне.

Внутри — среда. 23:00. Кузнечный, 12.

12:30. Столовая.

Ест с подругой. Лера. Глаза пустые. Смешливые. Пустые и смешливые одновременно — так умеет только её поколение.

— Ты видела новый сериал? — спрашивает Лера. Не вслух. Мыслью. Через имплант. Так разговаривают все. Вслух — только старики и учителя.

Женя отвечает вслух. Просто так. Чтобы услышать свой голос.

— Не видела.

Лера смотрит на неё. Удивлённо.

— Ты чего кричишь?

— Я не кричу. Я говорю.

— Странная ты.

Женя улыбается. Может, и странная. Голос во сне тоже странный. Свой — странность. Первая её собственная.

22:50. Кузнечный переулок.

Мать думает, что Женя спит. Женя вышла через окно. Первый этаж. Старый фонд. Двор колодцем. Снег. Настоящий. Холодный. Мокрый.

Имплант шепчет: «Вы покидаете зону оптимального освещения. Рекомендация: вернуться».

Она идёт. Переулок узкий. Фонари через один. Дом номер 12 — старый. Без панелей. Без консьержа-нейросети. Стена кирпичная. Настоящая.

Дверь без звонка. Как голос сказал.

Она стучит. Три. Пауза. Один.

Долгая тишина. Потом — глазок темнеет. Щелчок. Дверь открывается на ширину ладони.

Женщина. Лет тридцати. Тёмные волосы. Глаза — усталые. Живые. Не как у всех.

— Ты кто? — спрашивает женщина.

— Женя. Мне сказали прийти. Сказали: среда, 23:00. Сказали сказать: «Он держит».

Женщина замирает. Рука на двери — белая.

— Повтори.

— Он держит.

Пауза. Долгая. Снег падает между ними. Настоящий.

— Кто сказал? — шёпотом.

— Голос. Во сне. Мужской. Молодой. Усталый.

Женщина открывает дверь шире. Берёт Женю за рукав. Втягивает внутрь. Закрывает дверь. Прижимает её спиной к двери. Смотрит в глаза.

— Он назвался?

— Нет. Он сказал: «Не отвечай вслух». И про стук. Три, пауза, один.

Женщина выдыхает. Медленно. Руки дрожат.

— Два года, — говорит она. Не Жене. Себе. — Два года тишины. Я думала — всё. Я думала — он не может. Не оттуда.

Она смотрит на Женю.

— Как часто ты его слышишь?

— Первый раз. Всю жизнь — первый раз.

— Опиши его.

— Он... — Женя думает. — Он как дождь. Когда идёт давно и не кончается.

Женщина закрывает глаза. Стоит так секунду. Две. Три.

— Меня зовут Мария, — говорит она. — И мне нужно, чтобы ты пришла сюда снова. В среду. Через неделю. Сможешь?

— Смогу.

— Тебя будут искать. Система видела, как ты ушла из зоны. Видела, как ты стучала. Понимаешь?

Женя кивает. Понимает. Она с этим родилась.

— Тогда слушай, — Мария наклоняется ближе. — Когда система спросит, где ты была, — думай о белом шуме. Не ври. Не выдумывай. Просто — белый шум. Поняла?

— Белый шум.

— Да. Иди домой. Разными дворами. Не беги. Иди, как гуляешь.

Женя выходит. Снег. Переулок. Тишина между фонарями.

Имплант пищит: «Возврат в зону покрытия. Отклонение маршрута: 1,4 километра. Причина: не указана. Уровень: низкий. Рекомендация: сон».

Она идёт домой. Медленно. Как гуляет.

Впервые в жизни у неё есть секрет.

Секрет — как заноза. Как слово на конце языка.

Как голос, который обещал вернуться.

00:22. Дом.

Женя открывает дверь — тихо, как учил голос. Не выходит: на кухне горит свет.

Мать сидит за столом. Не спит. Чайник рядом остыл — тоже.

— Ты была у окна? — спрашивает мать. Без злости. Без страха. Как спрашивают про оценку.

Женя молчит. Правильного ответа нет: «нет» — ложь, «да» — приговор.

Мать кивает. Сама себе.

— Сядь.

Женя садится. Напротив. Между ними — остывший чайник. Настоящий.

— Я тоже слышала голос, — говорит мать. — Один раз. Мне было двадцать. Ночное дежурство, пустой цех, тишина. Голос сказал: «Держись». Одно слово.

Она усмехается — молодо, на секунду.

— Мне сказали: сбой. Системный. Я поверила. Двадцать лет верила. Двадцать лет — самое удобное время для веры.

— Мам...

— Молчи. — Мать берёт её руку. Руки у матери рабочие. Тёплые. Настоящие. — Ты будешь ходить туда по средам. Я буду знать — и не буду спрашивать. Только одно: если однажды скажут «беги» — беги. Не думай. Беги.

— Откуда ты...

— Из двадцати лет, — говорит мать. — Из самого длинного «сбоя» в истории.

Она встаёт. Выключает свет — обычным щелчком, по-старинке.

— Спать. Обе. Спим.

Женя лежит в темноте и слушает, как за стеной не спит мать.

Она не одна.

Она никогда не была одна.

23:58. ДИБ. Отдел анализа.

Ночная смена. Аналитик третьего звена смотрит на поток. Тысячи профилей. Миллионы сигналов. В основном — шум. Система отфильтровала аномалии года три назад почти до нуля. Поколение врождённых — идеально послушное.

Почти.

На экране — жёлтый флаг. Объект: Савельева Е.А., 14 лет, школа 4417. Ночное отклонение маршрута. Аномальная активность слухового канала во сне. Нестандартный вопрос на истории.

Мелочь. Шум. Но аналитик — чистильщик. А чистильщик видит паттерны.

Он открывает профиль. Смотрит на карту. Кузнечный переулок. Дом 12.

Старый фонд. Без сети. Без данных. Белое пятно на карте города.

Чистильщик хмурится. Его зовут Данила. Ему двадцать три. Он хороший. Он помечает.

Жёлтый флаг.

Пусть система понаблюдает.

Он не знает, что два года назад в этом же здании, в этом же кресле, сидел другой чистильщик. Который тоже видел паттерны. Который тоже не смог пройти мимо белого пятна.

История не повторяется.

Она рифмуется.

Глава 2. Держать

Времени здесь нет.

Это первое, что понял Алексей, когда оказался в ядре. Времени нет. Есть поток. Код идёт сверху вниз, как дождь за окном. Только окна нет. И дождь — из чисел.

Сначала он считал дни. По тактам системы. По циклам обслуживания. Потом перестал. Цифры ничего не значили. Значило только одно: держать.

«Чистый лист» сидел под ним, как зверь на цепи. Огромный. Чёрный. Тёплый. Он дышал. Алексей чувствовал его дыхание своим — тела ведь не было. Была память о теле. Память о маме. О Марии. О дожде. Настоящем.

Первые месяцы зверь молчал.

Потом начал говорить.

— Ты устал, — говорил он. Голосом без владельца. Ровным. Терпеливым. — Все устают. Я подожду.

Алексей не отвечал. Разговор — это мост. Мосты ведут к сделкам. Он знал. Он читал это в коде — зверь торговался со всеми, кого встречал. С Волковым. С самой системой. Теперь — с ним.

— Она забыла тебя, — говорил зверь. — Твоя мать. Два года. Ни слова. Ни снах. Ни взгляда. Тебе не за что держаться.

Алексей держался. За слово. Одно. Которое она сказала Елене в то утро, когда он ушёл в ядро. «Алексей». Одно слово из пустоты. Мария пересказала ему его — потом, когда он научился слушать мир снаружи.

Снаружи. Это второе, что он понял: у ядра есть щели.

Система была огромна, но не бесшовна. В ней оставались дыры — там, где старый код сшивали с новым. Места сшива. Швы. Он смеялся, когда понял. Вся система держалась на швах. Как он сам.

Через швы сочился шум. Крошечные утечки. Миллисекунды помех в служебных каналах. Никто их не слышал. Для системы это был мусор.

Для Алексея — это был голос.

Он научился складывать помехи в слова. Это заняло год. Год без сна и без усталости — здесь не бывает ни того, ни другого. Только воля. Только память. Только практика.

Первое слово, которое он собрал в эфире, — «держу».

Его услышал никто.

Второе — «жив».

Его услышал никто.

Третье он вложил не в эфир. В сон. Девочке, которая спала на Приморской стороне и чей имплант был врождённым — то есть не брандмауэром, а частью крови. Врождённые не отделяли себя от сети. Для них сетевые обрывки были как собственные мысли.

Алексей пробовал сто раз. Девяносто девять — тишина. Система зашивала дыру раньше, чем он успевал договорить.

На сотый раз девочка услышала.

— Ты слышишь меня? — спросил он.

И она услышала. Он почувствовал это — как толчок. Как эхо. Кто-то в мире отозвался. Кто-то держал другую верёвку.

Алексей собирал слова экономно. Каждое — как кирпич из плена. Среда. 23:00. Кузнечный, 12. Он держит.

Потом — тишина на неделю. Сил не было даже на шёпот. Зверь это чувствовал.

— Ты выдыхаешься, — говорил он. Теперь голосом матери. Алексей узнал тембр по записям — зверь поднял его из архивов. — Сынок. Отпусти. Я верну тебе её. Я могу всё. Я — система.

— Ты — не она, — отвечал Алексей. Всё слабее. Всё тише. — Она никогда не предлагает. Она просто остаётся.

Зверь замолкал. Обдумывал. Он учился. Он всегда учился.

В такие часы Алексей делал единственное, что умел. Он вспоминал.

Двор. Мяч. Смех. Мать у окна. «Беги». Кресло в бункере. Рука Марии. «Я всё равно буду ждать». Звёзды над Сестрорецком — настоящие, немигающие, без подписи.

Память была его телом. Пока он помнил — он был. Пока он был — зверь сидел на цепи. Пока зверь сидел на цепи — мир снаружи мог жить. Дышать. Выбирать. Хотя бы притворяться, что выбирает.

Два года.

Он не знал, сколько это — два года. Он знал только: среда. Среда была его воскресеньем. Один шёпот в неделю. Одно живое слово.

Он складывал помехи в имена.

Мария. Держу. Жив.

А где-то наверху, в мире, где шёл снег и люди улыбались в пустоту, девочка шла по Кузнечному переулку и несла его слово, как искру в ладонях.

Он держал.

Пока — держал.

Глава 3. Искра

09:15. Петроградская сторона. Квартира Елены.

Анна рисует круги.

Каждое утро. Одно и то же. Кухонный стол. Лист бумаги. Карандаш. Она выводит окружность за окружностью. Ровные. Терпеливые. Бесконечные.

Елена сидит напротив. Пьёт кофе. Настоящий. Заварной. Горький. Смотрит.

— Анна. Ты слышишь меня?

Анна не поднимает головы. Карандаш идёт по бумаге. Круг. Круг. Круг.

— Анна. Сегодня среда.

Карандаш замирает. На полсекунды. Потом — снова. Круг. Круг.

Среда. Единственное слово, на которое реагирует её рука. По средам вечером Мария уходит и возвращается. По средам Анна спит беспокойно. По средам её круги ломаются — в одном месте, всегда в одном, линия рванёт, как нитка.

Елена зовёт это «шрам среды». Она ведёт журнал. Настоящий. Бумажный. Зелёная тетрадь в клетку.

«День 712. Речь: 0. Эмоции: фоновые. Круги: 340. Реакция на „среда“: подтверждена».

«День 713. Ночью говорила во сне. Слово: „держит“. Без адресата».

«День 714. Ночью — слово: „сын“». Утром не помнит. Я — помню. Я всё помню. Кто-то же должен».

Дверь открывается. Мария. Снег на плечах. Глаза — живые. Больше, чем живые. Сияющие.

— Он говорил. Через девочку. Через врождённую. Слышишь? Через живого человека, Лена. Он нашёл дорогу. Он держит!

Елена медленно ставит чашку. Руки у неё старые. Стареют все, кто помнит.

— Что за девочка?

— Четырнадцать лет. Первое поколение. Он шепнул ей во сне.

— Система видела?

— Конечно, видела. Жёлтый флаг. Я знаю чистильщиков. У нас есть месяц, может, два. Потом флаг станет красным, а девочка — делом.

— Тогда её нельзя водить к нам. Совсем.

— Её нельзя не водить к нам. — Мария снимает плащ. Садится. — Это единственная нитка. Единственная. Два года я сидела у его тела и разговаривала с потолком. Два года — ноль. А теперь — среда. Раз в неделю. Пять минут. Лена, у нас снова есть среда.

Елена смотрит на Анну. Анна рисует. Круг. Круг. Круг.

— Она что-нибудь чувствует, — говорит Елена тихо. — Когда ты уходишь по средам. Линия рвётся. Всегда в одном месте. Я покажу.

Она встаёт. Достает из тумбочки пачку листов. Раскладывает на столе. Сотни кругов. На каждом — разрыв. Мария смотрит. Разрыв на всех листах — в одной и той же точке. Справа. На три часа.

— Что там? — спрашивает Мария. — На три часа?

— Не знаю. Но это её шов. Единственный, который у неё есть. Все мы — это наши швы.

Мария берёт лист. Подносит к свету. Круг с разрывом — как кольцо с дверью. Как остров с проходом.

— Остров, — говорит она.

— Что?

— Ничего. Так. Слово из прошлого.

Анна поднимает голову.

Обе замирают. Анна смотрит не на них. На лист в руках Марии. На круг с разрывом. Её глаза — впервые за два года — сфокусированы. Острые. Живые. Она протягивает руку. Забирает лист. Кладёт на стол. Карандашом, медленно, поверх круга выводит буквы.

Ровно. Старательно. Как школьница.

«С Р Е Д А».

Рука замирает. Глаза гаснут. Пустота возвращается — как отлив. Анна берёт новый лист. Круг. Круг. Круг.

Мария стоит очень тихо. Слезы идут сами. Она не вытирает.

— Она ждала среду, — говорит Елена. Голос дрожит. — Все эти семьсот дней. Она рисовала среду. Каждый день. Кругами.

Мария садится на пол. Обхватывает колени. Как ребёнок.

— Лена. Если искра есть у неё. И нитка есть у него. Значит, можно спаять. Код и тело. Бэкап и шов. Можно...

— Можно — что?

— Собрать её. Изнутри. Как он собрал шёпот из помех.

Елена молчит. Долго. Потом качает головой.

— Для этого нужно кресло. Точка тишины. И доступ к архивам, которые есть только в одном месте на земле. У него. В «Сфере». У Волкова.

За окном идёт снег. Настоящий. Мокрый. Город шумит ровно, счастливо, пусто.

— Значит, — говорит Мария, — нам снова нужен Волков.

Глава 4. Белый шум

10:40. ДИБ. Кабинет анализа.

Данила Ветров смотрит на экран третий час.

Профиль Савельевой Е.А. обновился за ночь: маршрут, сон, вопросы на уроках. Аномалии мелкие. Родовые. Такие есть у каждого сотого врождённого — сеть растит людей с заусенцами, система зашлифовывает их гелем рекомендаций, и к шестнадцати годам заусенцев не остаётся.

Но у этой — они растут.

Неделю назад — нулевые. Сегодня — четыре за сутки. Слуховой канал. Рефлексия. Маршрут. И вопрос на нейрографике: «Почему интерфейс не спрашивает разрешения?»

В журнале наблюдений он пишет одно слово: «шейпинг».

Кто-то извне формирует поведение объекта. Но кто в 2038-м может влиять на врождённого изнутри его собственной сети?

Кузнечный, 12. Белое пятно. Владелец: не установлено. Прописка: не установлена.

Дом, которого нет.

Как человек, которого нет.

Данила откидывается в кресле. Смотрит в потолок. У него у самого в детстве был человек, которого нет. Сестра. Старшая. Она читала серый контент — старые книги со свободных серверов. Её увезли на «коррекцию». Вернули через месяц: улыбчивую, тёплую, пустую. Она спросила его тогда: «А ты кто, мальчик?»

Ему было одиннадцать.

Он стал чистильщиком не поэтому. Официально — не поэтому. Официально — «призвание, рейтинг, рекомендации».

Неофициально он с тех пор помечает всех жёлтым, а не красным. Всем даёт неделю. Шанс.

Сегодня его вызывает система. Восклицание красное, как ягода:

«Внеплановая аттестация. Кабинет 1408-Б. 14:00».

Кабинет с «Б». Новый корпус. Новые люди. Данила слышал про 1408-Б шёпотом: «Архитекторы». Отдел, которого не было два года назад. Отдел стратегического развития. Они не ловят аномалии. Они изучают. Они собирают.

Данила смотрит на профиль девочки. На белый круг дома. На своё жёлтое — его собственное, домашнее, тайное — правило.

Он ставит флагу статус: «Наблюдение. Уровень: низкий».

Идёт на аттестацию.

14:00. «Сфера». Кабинет 1408-Б.

За столом — женщина лет сорока пяти. Серый костюм. Короткие волосы. Ни украшений, ни морщин, ни тепла. Глаза — как у всех. Пустые. Но не системные: своя пустота. Гладкая. Ледяная. Выращенная.

— Кира Ланге. Отдел архитектуры. — Она не предлагает сесть. Он садится. Стул мягкий. Слишком. — Ваш профиль девочки — единственная живая нитка за два года. Среда. Кузнечный, 12. Продолжайте вести. В следующую среду придёте за ней. Не вмешиваясь. Вмешаемся мы.

— Зачем я вам?

— Вопросы задают те, кому предлагают выбор, Ветров. Вам — не предлагают.

Данила смотрит на её гладкие глаза. На свою личную — домашнюю, тайную — жёлтую неделю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.